

В то мгновение, когда Линь Цзичу начал падать навзничь, для Шэня Циханя перестал существовать весь остальной мир. Он больше не слышал ни воя ветра, ни оглушительного грохота ливня — лишь тонкий, сухой зуд электрического разряда отозвался в его сознании.

Со стороны этого никто бы не заметил, но сам он знал наверняка: в ту секунду маска Чу Цяньфаня соскользнула. Он больше не играл. Он был самим собой — Шэнь Циханем.

И человек, которого он инстинктивно, изо всех сил пытался удержать, не имел никакого отношения к Ло Цинфаню. Это был Линь Цзичу.

Режиссёр Ли Жэнь заранее велел подложить позади Линь Цзичу зелёный мягкий мат — на тот случай, если партнёр не сумеет его перехватить и тот рухнет на землю.

Но разве мог Шэнь Цихань упустить его? Однажды он уже не сумел удержать своего Чу-Чу, и теперь, сгорая от запоздалого раскаяния, мечтал лишь об одном: сжать Линь Цзичу в объятиях, замереть и больше никогда не выпускать — до скончания веков.

Даже когда раздалось зычное режиссёрское «Снято!» и Ли Жэнь скомандовал актёрам убираться под навес, Шэнь Цихань не разжал рук.

Он прекрасно понимал, что кровь бутафорская, обычный театральный грим, но алое пятно на чужой груди резануло его по глазам настоящей, острой болью. И сильнее всего заныло сердце.

Линь Цзичу прижался к нему. Ледяной ливень хлынул так долго, что они оба остыли; сквозь мокрую ткань одежда казалась чужой, а тело партнёра — замерзшим.

Но он чувствовал, с какой отчаянной, почти яростной силой Шэнь Цихань сжимает кольцо своих рук, словно пытаясь вдавить его в себя, срастись костями и кожей. А под рёбрами у него бешено, испуганно колотилось сердце.

Линь Цзичу понимал: пусть кожа Циханя и была холодной, сердце его горело живым, неистовым огнём.

И в этот миг Цзичу, безучастно висевший вдоль туловища, дрогнул. Внутренний голос настойчиво, до хрипоты шептал: «Обними его в ответ». Словно поддавшись наваждению, он стал медленно поднимать ладони.

Пусть хотя бы здесь, под стеной проливного дождя, оковы былого на миг ослабнут. Пусть весь мир исчезнет, оставив им лишь эту украденную у вечности секунду.

Обычные объятия. Мимолётные и ничего не обещающие.

— Вы чем там заняты? Снято уже, ау! Из образа выходите! Совсем под ливнем рассудок растеряли? Живо под навес!

Резкий, раздражённый окрик заставил Линь Цзичу вздрогнуть. Так и не завершённый жест оборвался: он упёрся ладонями в крепкую грудь Циханя, торопливо оттолкнул его и повернулся к Ли Жэню, который уже спешил к ним, укрывшись под широким куполом зонта.

Тут же над их головами раскинулся ещё один зонт — это подбежал запыхавшийся Сяо Ди.

Конечно, при их разнице в силе Линь Цзичу не смог бы сдвинуть Шэнь Циханя и на дюйм, пожелай тот сопротивляться. Но Хань разжал объятия сам.

До него внезапно дошло, насколько эгоистично и глупо он себя вёл, заставляя Цзичу дрожать под ледяными струями ради собственных минутных слабостей.

С них сняли подвесные тросы. Как только актёры переступили порог ветхой хижины, ассистенты тут же накинули на них плотные махровые полотенца. И массовка, и исполнители главных ролей теперь исходили мелкой дрожью, кутаясь в белую ткань.

В тесном помещении яблоку было негде упасть. Линь Цзичу и Шэнь Цихань примостились у самого входа. Двери у лачуги не водилось, однако глубокий навес надёжно укрывал их от секущих косых струй, хоть и не спасал от сквозняка.

Кто-то протянул Цзичу стакан с чистой водой. Рот вяжущим вкусом заполнял искусственный сироп, заменявший кровь — штука абсолютно безвредная, но приторная и противная.

Очистив рот, он принял бумажный стаканчик с обжигающим имбирным отваром. Поблагодарив, Линь Цзичу обхватил его обеими ладонями, пытаясь впитать пальцами спасительное тепло, но озноб никак не проходил.

Сделав робкий глоток, он обжёг кончик языка, подул на пар и принялся пить медленно, небольшими глотками.

Острый, пряный напиток прокатился внутрь, смывая сладковатый привкус бутафории. Остывший желудок благодарно отозвался волной жара, которая постепенно разлилась по всему телу. Стало значительно легче.

Снаружи продолжали бесноваться стихии: ветер бился о бамбуковые стены, а тяжёлые капли с глухим стуком вбивались в размокшую землю. Линь Цзичу глянул на улицу, подивившись тому, как припустил ливень. Впрочем, возможно, непогода разыгралась ещё во время дубля, просто посреди съёмочного процесса он перестал замечать потоки воды, обрушивающиеся на плечи.

Отведя взгляд, он осушил стаканчик до дна и смял пустую бумагу.

Порыв ветра, ворвавшийся сквозь открытый дверной проём, заставил его зябко повести плечами и чихнуть. И почти сразу же чьи-то тёплые пальцы легли на его запястье.

Линь Цзичу повернул голову и встретился взглядом с Шэнь Циханем. В глубине его тёмных глаз читалась неприкрытая тревога.

Эта внезапная нежность смутила Цзичу. Сердце предательски дрогнуло, он приоткрыл рот, собираясь тихо заговорить, но их прервал зычный голос режиссёра:

— Так, актёры, закругляйтесь! Живо по машинам и в отель — греться и мыться, не хватало мне ещё простуженных на площадке. Техническая группа, сворачиваем аппаратуру!

На самом деле он собирался лишь спросить: «Как ты? Не замёрз?» — но Ли Жэнь лишил его этой малости.

Команда зашевелилась. Люди натягивали дождевики и выскакивали наружу; хижина опустела в считанные мгновения.

Личные вещи Линь Цзичу остались в гримёрке при постоялом дворе, так что перед уходом ему предстояло сделать крюк. У Шэнь Циханя всё было проще: Сяо Ди уже забрал его сумку, так что Хань мог переодеться и сразу прыгнуть в тёплый салон минивэна.

— Идём, Хань-гэ? — спросил Сяо Ди, оглядывая промокшего до нитки босса.

— Жди в машине, — бросил тот.

Шэнь Цихань проводил взглядом фигуру Цзичу, уже шуршавшую жёлтым целлофаном дождевика на выходе. Не раздумывая, он всучил мокрое полотенце помощнику, схватил со стола чью-то бесхозную одноразовую накидку и рванул следом, даже не удосужившись застегнуть липучки на груди.

Сяо Ди остался стоять на пороге. Глядя на то, как стремительно растворяется в стене серого дождя силуэт его нанимателя, он в очередной раз мысленно задался кучей безответных вопросов.

Желание поскорее убраться в сухую гримёрку выглядело логично, но почему казалось, будто Хань сорвался с места исключительно потому, что ушёл Линь Цзичу?

Почесав затылок, Сяо Ди вздохнул, раскрыл зонт и пошёл к парковке — в сторону, противоположную той, куда умчалась эта парочка.

Цзичу шёл быстро, но широкие шаги Циханя легко сократили дистанцию. Вскоре они поравнялись.

В гримёрку они вошли бок о бок. Сбросив мокрые накидки на вешалку у двери, они молча стояли, слушая, как тяжёлые капли соскальзывают по полиэтилену и гулко стучат по дну стоящего внизу пластикового ведра.

Линь Цзичу аккуратно вывернул свой дождевик наизнанку, чтобы сухая подкладка не намокла от внешнего слоя — ведь ему ещё предстояло дойти до постоянного двора.

Цихань внимательно следил за каждым его движением. Как только Цзичу отвернулся, он точь-в-точь повторил этот нехитрый маневр со своей накидкой. Когда же он поднял глаза, Линь Цзичу уже скрылся за дверью кабинки для переодевания.

Кабинок было всего две. Мазнув взглядом по запертой первой двери, Хань без колебаний толкнул вторую.

Долгая работа на съёмочных площадках приучила их обходиться без ассистентов там, где это возможно. Смыть грим у раковины — дело пары минут, когда движения отточены до автоматизма.

Линь Цзичу закончил раньше. Свернув мокрую съёмочную одежду в узел, он набросил дождевик и вышел на улицу, сохранив за собой преимущество в несколько шагов.

Но этот отрыв ничего не значит. Будь у него фора хоть в десять, хоть в сотню шагов, Цихань всё равно нагнал бы его. Он просто не позволил бы ему уйти.

Так и случилось. Сзади слышался торопливый шлепок мокрых подошв по асфальту: Хань вылетел из павильона, на ходу пытаясь попасть руками в рукава дождевика, и пристроился рядом.

Он не произнёс ни слова, но само его присутствие — упрямое, нелепое и настойчивое — так и лезло в глаза.

Трудно игнорировать присутствие столь крупного мужчины, когда он маячит у самого твоего плеча.

Стерпев несколько мгновений, Линь Цзичу всё же скосил глаза на спутника. Тот безуспешно сражался с запутавшимся капюшоном, который застрял где-то на затылке. Зрелище было забавным, и Цзичу едва заметно усмехнулся.

— Цзичу, над чем ты смеёшься? — негромко спросил Шэнь Цихань, поймав его взгляд.

Голос у него был чуть хриплым после долгого пребывания под дождем, но в нём отчётливо сквозили тёплые нотки.

Цзичу попытался притвориться, будто расслышал лишь завывание ветра, однако слова Циханя достигли цели слишком точно. Спрятаться от них было невозможно.

Обернувшись, он наткнулся на мягкую, открытую улыбку. Хань наконец-то справился с капюшоном, но толку от этого было мало: пряди волос, которые он успел подсушить полотенцем в раздевалке, снова слиплись от сырости.

И всё же сомнений не оставалось — этот невыносимый человек действительно поддразнивал его.

— И вовсе я не смеялся, — пошёл на попятную Цзичу. Ловить его на слове было некому, так что он предпочёл глухую оборону.

Шэнь Цихань не стал спорить. Ему было глубоко безразлично, сознается тот или нет; главным было услышать его голос. Удержать эту хрупкую нить разговора.

Его улыбка стала шире. Прищулив свои тёмные глаза, он заговорщически прошептал:

— Смеялся-смеялся. Я же видел, как ты на меня посмотрел.

Линь Цзичу смутился. Неужели его мысли настолько легко читались? Или его «внутренняя» улыбка всё же отразилась на лице, выдав его?

Впрочем, разгадал ли Хань его секрет, научился ли читать по глазам или просто брал на пушку, Цзичу решил не увиливать. Прямой ответ всегда надёжнее любых увёрток — так по крайней мере не возникнет лишних намёков на то, чего нет.

«Если сознаюсь, то докажу, что мне скрывать нечего», — подумал он.

— Ладно, каюсь. Смеялся над тем, какой ты недотёпа, — фыркнул он, чувствуя, как внутри ломается какая-то невидимая преграда. — Куда так лететь, что даже дождевик застегнуть забыл? Заболеть не боишься?

Слова лились сами собой. Линь Цзичу сам подивился собственной смелости. Он переходил границы дозволенного, вторгаясь на территорию опасной заботы.

Ему стало страшно: если он продолжит в том же духе, то сорвётся и спросит самое нелепое: «Цихань, а ты всё ещё меня любишь?»

Ответ на этот вопрос он получил два года назад, во время развода. Зачем беречь старые раны и подставлять лицо под очередной холодный удар? Ему хватило той боли.

Шэнь Цихань не догадывался о буре в его душе.

— В бамбуковой роще с меня уже сошло семь потов и три шкуры, пара лишних капель погоды не сделают, — весело отозвался он. — А вот ты совсем замёрз. Худой ведь как щепка. Не смей идти пешком до отеля в такую погоду. Поехали со мной, не трать время.

Линь Цзичу промолчал. Сохраняя сосредоточенный вид, он толкнул тяжёлую деревянную дверь постоянного двора и вошёл в холл.

Это кирпичное здание служило временной базой для съёмочной группы. На первом этаже располагалась общая актёрская комната, а остальные кабинеты занимали технические службы — гримёры, костюмеры и реквизиторы.

Проект «Сказание о Цяньфане» поражал своими масштабами, так что коридоры всегда кишели людьми.

Дверь гримёрки оказалась заперта. Цзичу повернул ключ, шагнул внутрь и тут же съёжился: комнату заполнял ледяной воздух. Кто-то оставил кондиционер работать на полную мощность.

Вероятно, уходя на съёмки, он сам забыл его выключить — в полдень солнце припекало нещадно, а к вечеру разразилась буря.

Шэнь Цихань вошёл следом. Пока он щёлкал пультом, отключая сплит-систему, Цзичу подошёл к столу, подхватил свой потрепанный холщовый рюкзак и вдруг замер.

— Что случилось? — мгновенно отреагировал Хань, заметив его замешательство.

Линь Цзичу обернулся с виноватым видом:

— Кажется, я оставил сценарий в той лачуге у бамбуковой рощи. Придётся вернуться.

— Не надо, это далеко, — Хань перехватил его за запястье, не заметив, как снова нарушил личные границы. Убедившись, что ничего страшного не произошло, он облегчённо вздохнул. — Я попрошу Сяо Ди звякнуть кому-нибудь из реквизиторов. Если найдут — заберут и занесут тебе в номер.

— Ну а если там уже никого нет, то следующие два дня я буду приходить к тебе. Будем учить роли по моему экземпляру.

Делить один сценарий на двоих? Цзичу никогда не практиковал подобного за всю свою скромную карьеру.

Рациональное зерно в предложении Хана было, но Линь Цзичу зацепился совсем за другое. «Буду приходить к тебе»... Это значит, он планирует прийти к нему в номер?

Мысль о том, что Шэнь Цихань окажется на его личной территории, заставила сердце забиться чаще.

Дыхание сбилось. Линь Цзичу молчал, судорожно соображая, как вежливо отказаться от этой затеи.

Его молчание затянулось. Шэнь Цихань почувствовал, как внутри ворохнулась знакомая, липкая тоска. Впрочем, винить, кроме себя самого, было некого. Спрятав разочарование за дежурной полуулыбкой, он мягко спросил:

— Ну так что, едем?

Хань не торопил его. Он просто искренне переживал: после съёмок под ледяными струями Цзичу отчаянно нуждался в горячем душе.

Сам Цихань обладал завидным здоровьем, а вот Цзичу всегда казался хрупким. Тонкие запястья, выпирающие ключицы — казалось, его можно сломить одним неосторожным движением.

— Ладно... Извини за беспокойство, — после короткого колебания согласился Линь Цзичу.

Ему было неловко раз за разом пользоваться чужой добротой. Будь Хань просто коллегой по цеху, это выглядело бы прилично. Но они не были просто коллегами. Никогда ими не были, сколько бы Цзичу ни пытался убедить себя в обратном.

— Никаких хлопот. Мне это только в радость, — улыбнулся Хань.

Он потянулся было к его ладони, желая переплести пальцы, но вовремя осёкся. Рука застыла в воздухе на долю секунды, прежде чем он поспешно убрал её в карман куртки.

— Пойдём.

Ещё минуту назад он всерьёз опасался отказа. И мысленно уже выстраивал план, как усадить упрянца в салон — хоть силой, хоть уговорами.

Пешком по такой буре? И думать не смей.

Тот факт, что Цзичу уступил, наполнил грудь Циханя глухим, ликующим торжеством.

Однако эта вежливая отстранённость, с которой Линь Цзичу держал дистанцию, быстро остудила его пыл. Сердце вновь ухнуло вниз.

Шэнь Цихань чувствовал себя безумцем: его швыряло из крайности в крайность, от эйфории к унынию. Но жаловаться грех — Цзичу едет с ним, и это уже победа.

Они вышли на улицу под непрекращающийся гул ливня. Шли молча, выдерживая между собой дистанцию в полшага.

Сяо Ди наблюдал за ними сквозь залитое водой стекло минивэна. Они двигались в одном направлении, но выглядели бесконечно далёкими друг от друга.

«Поругались они, что ли?» — подумал помощник.

Спросить напрямую он не решался, а строить догадки уже устал.

Если это ссора, то из-за чего? Творческие разногласия по поводу сценария? Или дела сердечные, скрытые от посторонних глаз?

Голова шла кругом. Плюнув на бесперспективные размышления, Сяо Ди отложил телефон, открыл раздвижную дверь салона, как только парни подошли ближе, и тут же юркнул на своё место в глубине машины.

Уткнувшись в экран, он продолжил листать ленту новостей.

Линь Цзичу поднялся по ступенькам, скользнул взглядом по затылку Сяо Ди и с тихим вздохом опустил на сиденье рядом с Шэнь Циханем.

Он демонстративно прижался к самому краю кресла, стараясь не задевать соседа даже краем одежды.

Стук капель по крыше минивэна отдавался в ушах глухим ритмичным гулом. На улице выл ураган, но в салоне было тепло и даже немного душно.

Цихань попросил водителя отключить кондиционер, чтобы Цзичу не просквозило. К счастью,

дорога заняла всего пару минут, и вскоре машина мягко притормозила у главного входа в отель Сиин.

По пути Сяо Ди успел созвониться с реквизиторами, но новости были неутешительными: съёмочная площадка в бамбуковой роще уже опустела, и вернуться туда планировали только через неделю. Сценарий остался лежать в хижине.

Линь Цзичу расстроился, но злиться оставалось только на собственную рассеянность.

Придётся как-то выкручиваться. Впрочем, делить один экземпляр с Циханем казалось ему слишком рискованной затеей — наверняка найдутся другие варианты. Например, попросить электронную копию у сценариста.

В просторном вестибюле отеля кондиционеры работали на славу. Переступив порог, Цзичу мгновенно содрогнулся от резкого перепада температур и дважды чихнул.

Цихань тут же обеспокоенно зыркнул в его сторону, но Цзичу сделал вид, что ничего не заметил, шмыгнул носом и поспешил к лифтам.

Но стоило им подойти к дверям лифта, как судьба преподнесла им очередной «сюрприз».

У дверей стояла женщина. Обернувшись на шаги и заметив Шэнь Циханя, она удивлённо приподняла безупречно очерченные брови, а затем расплылась в кокетливой улыбке.

— Учитель Шэнь! Какая встреча. Кажется, судьба упорно сводит нас вместе.

Линь Цзичу мгновенно узнал этот голос и поморщился, но тут же взял себя в руки. Склонив голову, он уставился на свои носки, хотя слух его обострился до предела. Ему не хотелось подслушивать, но деться было некуда.

Это было некрасиво, однако любопытство взяло верх.

— Здравствуйте, Учитель Чжан, — сухо отозвался Шэнь Цихань. Появлению Чжан Яцю он не удивился, но в глубине души ощутил глухое раздражение.

Его тон был настолько холодным и безразличным, что любой другой поспешил бы свернуть разговор, но Чжан Яцю упрямо игнорировала этот барьер — то ли из-за душевной глухоты, то ли из чистого упрямства.

Хань прекрасно понимал, что имеет дело со вторым вариантом. Она была из той же породы толстокожих людей, что и он сам, только в искусстве притворяться превосходила его на голову.

Лифт прибыл вовремя. Пятеро человек — включая помощницу Чжан Яцю — зашли в просторную зеркальную кабину.

Кабина плавно пошла вверх. Чжан Яцю искоса разглядывала стоящих рядом мужчин. Наконец она не выдержала и нарушила молчание:

— Ливень хлынул так внезапно. Если бы я не успела добежать до машины, вымокла бы до нитки.

Вопрос предназначался исключительно Шэнь Циханю — она преданно заглядывала ему в лицо, ожидая хоть какой-то реакции.

После неловкой паузы Хань всё же нехотя ответил:

— А я вот среагировать не успел. Промок насквозь.

Чжан Яцю зацепилась за эту тему неспроста: мокрая куртка Хана и его влажные волосы так и бросались в глаза.

Взаимное понимание у них вообще было поразительным. Она прекрасно знала, что раздражает его, но это лишь подстегивало её интерес. Равнодушие Хана было вызовом, который она с радостью принимала.

Чем холоднее он держался, тем слаще казалась мысль о победе. Игра в охотника и жертву приносила ей извращённое удовольствие.

Вокруг неё всегда крутились толпы обожателей обоего пола, но их навязчивое внимание вызывало лишь скуку. Они были слишком доступными, слишком предсказуемыми.

А Шэнь Цихань... Этот мужчина зацепил её с первой секунды. Его абсолютное, искреннее равнодушие ранило её самолюбие, порождая непреодолимое желание подчинить его своей воле. Ей хотелось сломать этот лёд. Увидеть на его безупречном лице живые эмоции — пусть даже это будет чистая ярость.

Она добьётся своего во что бы то ни стало.

— Тебе нужно поскорее согреться, — заворковала она, изображая предельную заботу. — Горячая ванна — лучшее средство. Будет ужасно, если ты заболеешь.

В её голосе звучала неподдельная нежность, пусть и сдобренная изрядной порцией фальши.

— Спасибо за совет, — коротко оборвал её Хань.

Воздух в кабине стал плотным и тягучим от этого взаимного напряжения. Линь Цзичу едва сдерживал вздох облегчения, мечтая поскорее выбраться из этого замкнутого пространства.

Здесь он чувствовал себя лишним зрителем на чужом спектакле. Сжав пальцами край куртки, он считал секунды до остановки на восьмом этаже.

Пятый этаж. Медленно. Слишком медленно. Каждая цифра на табло загоралась с целой вечностью опоздания.

Три оставшихся этажа казались непреодолимой дистанцией.

— Ну так как ты? Голова не кружится? — неожиданно раздался рядом тихий голос Шэнь Циханя. — На входе ты знатно чихнул.

Этот вопрос, заданный мягко и заботливо, вырвал Цзичу из оцепенения. В его груди разлилось приятное тепло.

Тревога послушно отступила.

Подняв голову, он встретился взглядом с выразительными глазами Хана. В них не было и следа того льда, которым тот одаривал Чжан Яцю.

Линь Цзичу ощутил странную уверенность. Этот человек умел одним взглядом возвращать ему почву под ногами.

Чуть заметно улыбнувшись, Цзичу ответил:

— Всё в порядке, правда. Спасибо.

Он не хотел демонстрировать холодность на глазах у посторонних, тем более подставлять Хана под удар чужого любопытства.

— Рад слышать. Иди сразу в душ, — кивнул Хань.

— Хорошо, Учитель Шэнь. Вы тоже берегите себя.

Двери с мягким шелестом разошлись. Звуковой сигнал совпал с концом их короткого диалога, оборвав его на тёплой, обнадёживающей ноте.

Когда Хань по-хозяйски положил руку ему на плечо, увлекая наружу, Цзичу не стал вырываться. Он послушно шагнул вперёд.

Оказавшись в пустом, прохладном коридоре восьмого этажа, Линь Цзичу наконец-то смог дышать полной грудью. Словно с его плеч свалилась непосильная ноша.

Сзади глухо лязгнули створки лифта, увозя Чжан Яцю наверх.

Ни Хань, ни Цзичу не видели, как изменилась в лице актриса, как она приоткрыла рот, словно собираясь окликнуть их, но так и не решилась издать ни звука.

Её взгляд был прикован к удаляющейся спине Линь Цзичу. Мысли её лихорадочно крутились вокруг одной-единственной загадки: кто этот человек?

— Чжан Яцю, а кто это был? — тихо спросила Сяо Де, её ассистентка, как только двери закрылись.

Она всю дорогу внимательно следила за мимикой своей хозяйки и понимала, что та на пределе.

— Его зовут Линь Цзичу. Какой-то безвестный актёр на десятых ролях в новом проекте Хана, — небрежно бросила Чжан Яцю.

Сама она знала о нём ничтожно мало — лишь мельком видела его имя в списке кастинга «Сказания о Цяньфане». Если бы не те совместные промо-фото, где этот мальчишка стоял непозволительно близко к Хану, она бы даже не взглянула в его сторону.

Но для безвестного новичка он вёл себя слишком вольно. И Хань... Хань за рамками кадра всегда отличался крайней холодностью. Почему же сейчас он так фамильярен с этим Линь Цзичу? Она ведь уже видела их вместе в этом же лифте на прошлой неделе.

Гордый, вечно держащий дистанцию Шэнь Цихань никого не подпускал к себе близко. На их прошлых совместных съёмках он игнорировал любые попытки сблизиться. А тут — заботливые вопросы, рука на плече... Это не укладывалось в голове.

Чжан Яцю нахмурилась. Между ними явно было что-то большее, чем простое партнёрство по съёмочной площадке.

И это знание уязвило её.

Она планировала обсудить с ним грядущие съёмки в новом трэвел-шоу, где они должны были участвовать вдвоём. Хотела намекнуть на взаимную поддержку перед камерами... Но этот Линь Цзичу спутал ей все карты.

Постойте. В списке участников, который опубликовали вчера в Weibo... там ведь было ещё одно имя.

Линь Цзичу. Почему этот парень ухитряется лезть изо всех щелей?

— Думаете, они... ну, вместе? — робко предположила Сяо Де.

— Понятия не имею, — резко отрезала Чжан Яцю. — И тебе не советую забивать голову ерундой. Лучше подумай о том, как мне привлечь его внимание.

Помощница спорить не стала и послушно замолчала.

— Учитель Шэнь, уже можно отпустить, — тихо произнёс Линь Цзичу, когда они свернули в жилое крыло. Позади остался только Сяо Ди, упрямо разглядывающий пол.

Хань вздохнул и нехотя убрал руку.

Ему отчаянно хотелось продлить этот миг близости, почувствовать тепло чужого плеча сквозь ткань куртки, но он понимал, что перегибает палку.

Настоящие прикосновения были taboo. Обычный дружеский жест — предел того, на что он мог рассчитывать, не рискуя получить жёсткий отпор.

Рисковать доверием Цзичу прямо сейчас, на глазах у ассистента, он не имел права.

Потерять лицо перед Чжан Яцю было бы неприятно, но истинной трагедией стал бы холодный взгляд Цзичу.

Тот имел полное право оттолкнуть его, и Хань винил бы в этом только себя.

— Ты... сделал это, чтобы спасти меня от расспросов Чжан Яцю? — не выдержал Хань, когда они поравнялись с дверью номера.

— Да, — лаконично бросил Цзичу. Лгать не хотелось.

Хотя в глубине души он понимал: им двигало не только благородство. Маленький укол ревности, вспыхнувший при виде кокетливой улыбки актрисы, заставил его заявить свои негласные права. Но об этом Циханю знать не обязательно.

— Спасибо, — тихо ответил Хань, и его губы тронула грустная, едва заметная улыбка.

Цзичу мысленно усмехнулся. Кто бы мог подумать, что гордый Шэнь Цихань станет благодарить его за спасение от навязчивой поклонницы? Сегодня они обменялись любезностями больше, чем за весь прошлый год.

Эти вежливые «спасибо» лишь подчёркивали пропасть между ними. Линь Цзичу достал карту-ключ и остановился у двери своего номера.

— Ну, я пришёл. Спокойной ночи, Учитель Шэнь.

— Доброй ночи.

Хань дождался, пока за Цзичу закроется дверь, и лишь после этого неторопливо побрёл дальше по коридору. Сяо Ди молча следовал за ним тенью.

Уж слишком много недосказанности было в каждом их жесте.

Оказавшись в тепле, Линь Цзичу прислонился спиной к двери. Лоб горел, а щёки пылали так, словно он долго просидел у открытого огня.

Озноб сменился сухим, изнуряющим жаром. Похоже, ледяной ливень на съёмочной площадке всё-таки дал о себе знать.

Мысли путались, а в горле неприятно запершило.

С трудом сдерживая кашель, он набрал полный чайник воды, щёлкнул кнопкой и поспешил в ванную. Горячие струи должны были смыть усталость и прогнать подступающую болезнь.

Время тянулось невыносимо медленно. Для Шэнь Циханя, запертого в четырёх стенах своего люкса, минуты казались часами.

Экран телевизора мерцал пёстрыми кадрами: ведущие зачитывали бесконечные сплетни шоу-бизнеса, рассказывали о чьих-то разводах, скандалах и новых ролях.

Он не вникал в смысл слов — бубнящий голос диктора служил лишь фоном, спасающим от оглушительной тишины пустого номера.

Безразличие и пустота пугали его больше всего.

Примостившись на краю кожаного дивана, Хань зажёл сигарету. Огонёк тлел во влажных сумерках комнаты, а сизый дым медленно поднимался к потолку, застилая глаза тонкой пеленой.

Он затянулся глубоко, до хрипа в груди.

Эта привычка появилась у него незадолго после развода. Примерно через месяц, когда осознание невосполнимой потери окончательно накрыло его с головой.

Никто не учил его курить. Просто в один из серых тоскливых вечеров он зашёл в круглосуточный супермаркет, купил пачку крепкого табака и попытался заглушить душевную боль горьким дымом.

Тогда он только окончил академию и делал первые шаги в киноиндустрии. Роли давались с трудом, а статус новичка обрекал на постоянные унижения со стороны именитых коллег и режиссёров.

Наверное, через это проходили все молодые актёры, но упрямый характер Циханя протестовал против такого порядка вещей. Давление росло с каждым днём, грозя раздавить его своей неподъёмной тяжестью.

И тогда в его жизни появились сигареты. Возвращаясь со смены, он первым делом щёлкал зажигалкой, наблюдая за тем, как крошечный огонёк пожирает сухую бумагу. Его лицо при этом оставалось бесстрастным и холодным, точно высеченным из мрамора.

Но даже табак не приносил покоя. Сидя в темноте, он думал о Цзичу. О своём тихом, ласковом Чу-Чу, которого сам же оттолкнул.

Понимание пришло слишком поздно. Когда документы были подписаны, а Цзичу заблокировал его во всех соцсетях, разорвав последнюю связующую нить. Хань часами прокручивал в голове прошлые ошибки, проклиная собственную глупость. Ему не хватало духу сделать первый шаг — да и с какими словами он мог явиться теперь?

Признания умирали на его губах, так и не сорвавшись вслух.

Он топил тоску в вине и табачном дыму, медленно скатываясь в бездну жалости к себе.

«Цзичу... Если бы ты только знал, как сильно я жалею...»

Хань с силой вдавил окурок в хрустальную пепельницу. Потянувшись к телефону, он разблокировал экран и зашёл в Weibo, переключившись на приватный аккаунт.

Этому профилю было почти два года. Ни единой фотографии, ни одной ссылки — только сотни коротких, рваных текстовых записей, посвящённых одному человеку. Каждая строчка была признанием в любви, бесплотной попыткой докричаться до того, кто никогда этого не прочтёт.

Здесь он мог быть настоящим. Слабым, раскаявшимся, тоскующим.

Линь Цзичу даже не подозревал об этой сетевой исповедальне.

Единственной подпиской в его списке значился аккаунт бывшего мужа. Тот пустовал месяцами, не обновляясь ни на строчку, из-за чего порой казалось, будто Хань следит за призраком.

И всё же перед сном он упрямо открывал эту пустую страницу снова и снова, надеясь увидеть хоть один новый символ.

Пальцы быстро побежали по клавиатуре. Не заботясь о знаках препинания и правильности формулировок, он нажал «Опубликовать» и тут же закрыл приложение.

[Кольцо было проглочено мной: «Сегодня бушевал тайфун, и я смог обнять его под проливным дождём. Если бы время могло остановиться, я бы согласился мокнуть под грозой три дня и три горьких ночи. Но всё это — лишь пустые бредни. Я потерял все права на него. Я его не достоин».]

Он никогда не перечитывал собственные откровения. Каждая запись была лишь мгновенным криком души, попыткой выплеснуть скопившуюся горечь, чтобы хоть немного облегчить ноющую боль под рёбрами.

<http://bllate.org/book/18328/1865352>